

В. П. Даниленко

КАРТИНА
МИРА
В ПОСЛОВИЦАХ
РУССКОГО
НАРОДА

Валерий Петрович Даниленко

Картина мира в пословицах русского народа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24540447

*В. П. Даниленко. Картина мира в пословицах русского народа: Алетейя;
Санкт-Петербург; 2017
ISBN 978-5-906860-83-5*

Аннотация

Цель этой книги – наметить путь к систематизации русских пословиц. Они рассматриваются на фоне истории России. На их материале автор пытается в какой-то мере воссоздать обыденную картину мира русского народа. Анализируемые пословицы систематизируются по пяти рубрикам – мир, физическая природа, живая природа, психика и культура. Последняя в свою очередь состоит из материальной культуры, куда входят пища, одежда, жилище и техника, и духовной культуры, куда входят религия, наука, искусство, нравственность, политика и язык. Книга предназначена для тех, кто ценит русскую народную мудрость.

Содержание

Введение	5
1. Теоретические предпосылки	18
1.1. Картина мира	18
1.2. Научная картина мира	24
1.3. Языковая картина мира	36
1.4. Мифологическая картина мира у славян	44
Небо	44
Перун	46
Стрибог	48
Сварог, Сварожич, Дажьбог, Хорс	49
Род	51
Велес	54
Ярило, Лада, Лель	55
Мокошь и Симаргл	55
Земля	56
Домовой	57
Леший	58
Водяной	58
Подземное царство	58
2. Русская пословичная картина мира	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

В. П. Даниленко

**Картина мира в пословицах
русского народа**

*Свод народной премудрости и суетудрия, это
стоны и вздохи, плач и рыдание, радость и веселье,
горе и утешение в лицах; это цвет народного
ума, самобытной стати; это житейская народная
правда.*

В. И. Даль о русских пословицах

© В. П. Даниленко, 2017

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2017

Введение

Первые подступы к созданию науки о национальном духе (характере) сделал молодой Вильгельм фон Гумбольдт (1767–1835). Он назвал эту науку «сравнительной антропологией».

В работе «План сравнительной антропологии» (1795) В. Гумбольдт так истолковывал предмет задуманной им науки: «Сравнительная антропология исследует характеры целых классов людей, в первую очередь – характеры наций и эпох» (*Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985. С. 324*).

Как видим, отчётливого представления о предмете сравнительной антропологии у В. Гумбольдта не было: с одной стороны, она исследует характеры наций, а с другой... – эпох. Тем не менее в её предметной области мы обнаруживаем характер нации. Но этот характер немецкий учёный в конечном счёте предлагал выявлять через язык. Вот почему от сравнительной антропологии он перешёл к сравнительной лингвистике.

Мориц Лацарус (1824–1903) и Гейман Штайнталь (1823–1899) в задуманной ими науке, которую они называли «психологией народов», выдвинули понятие национального духа на центральное положение. Под национальным (народным) духом они имели в виду не что иное, как весь комплекс осо-

бенностей, которыми один народ отличается от другого.

Вот как об этом писал М. Лацарус: «Психология народов должна быть обоснована как наука о народном духе, т. е. как учение об элементах и законах духовной жизни народа. Она должна психологически познать сущность народного духа и его деятельность. Она должна открыть законы, по которым протекает внутренняя духовная деятельность народа, проявляющаяся в жизни, искусстве, науке...» (цит. по: *Чикобава А. С. Проблема языка как предмета языкознания. М., 1959. С. 22*).

М. Лацарус и Г. Штайнталь пошли по пути, проложенному В. Гумбольдтом. В языке они видели основной материал, из которого исследователь может черпать сведения о народном духе.

«Язык, – указывал М. Лацарус, – орган выявления духа, рычаг его развёртывания... Если язык индивида является выражением и мерилom его индивидуального духа, то язык народа... является выражением и мерилom духа народа» (там же. С. 23).

Грандиозную попытку создания науки о народном духе предпринял Вильгельм Вундт: его «Психология народов» составляет десять томов. Он писал этот фундаментальный труд в течение двадцати лет – с 1900 по 1920. В. Вундт заменил гумбольдтовский «дух нации» на «душу народа».

Немецкий учёный писал: «Многие из этих переживаний, несомненно, общи большому числу индивидуумов... Поче-

му бы в таком случае не рассматривать с точки зрения актуального понятия о душе эти общие образования представлений, чувствований и стремлений как содержание души народа на том основании, на котором мы рассматриваем наши собственные представления и душевные движения как содержание нашей индивидуальной души; и почему бы этой "душе народа" мы должны приписывать меньшую реальность, чем нашей собственной душе?» (*Вундт В. Проблемы психологии народов. С.-П., М., Харьков, Минск, 2001. С. 25*).

В. Вундт проделал колоссальную работу по изучению души того или иного народа. Каким же содержанием он наполнил понятие «души народа»? Мы узнаём об этом по его определению объекта «психологии народов».

В. Вундт определял этот объект следующим образом: «Объектом этой будущей науки должны служить не только язык, мифы, религия и нравы, но также искусство и наука, общее развитие культуры и её отдельные разветвления, даже исторические судьбы и гибель отдельных народов, равно как и история всего человечества» (там же. С. 14).

Как видим, объект науки, о которой здесь пишет В. Вундт, никак не вкладывается в психологию. Перед нами по существу предмет культурологической, а не психологической науки. Во всяком случае, В. Вундт выделил здесь основные сферы духовной культуры – религию, науку, искусство, нравственность («нравы») и язык. Только о политике здесь ска-

зано в неявной форме («исторические судьбы»).

Душа народа для В. Вундта – синоним национального характера. Немецкий психолог считал, что национальный характер складывается из наиболее характерных особенностей этого народа. Всё дело в том, чтобы в душах индивидуальных представителей этого народа такие особенности найти и обобщить в некое усреднённое представление о национальной душе данного народа. Такая душа и есть не что иное, как его национальный характер.

По другому пути в психологии народов шёл французский философ Альфред Фулье (1838–1912). О национальном характере того или иного народа, по его мнению, лучше судить не по его большинству, а по избранным натурам, которые воплощают наиболее характерные черты этого народа. Он писал: «В действительности, национальный характер далеко не всегда выражается наилучшим образом толпой, ни даже наличным большинством. Существуют избранные натуры, в которых лучше, чем во всех остальных, отражается душа целого народа, его глубочайшая мысль, его существеннейшие желания... По меньшей мере можно сказать, что она выражает собой стремления целой нации, вызванные системой идей и чувств, которые руководят ею» (*Фулье А. Психология французского народа*, СПб., 1899 г.: http://www.kuchaknig.ru/show_book.php?book=159880).

Как обстоятельно показала завкафедрой социальной психологии МГУ Татьяна Гавриловна Стефаненко, психо-

логия народов (этническая психология, этнопсихология) прошла в своём развитии довольно большой путь, но у неё ещё всё впереди (*Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология. М.: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/stef/intro.php, 1999). Уж очень предмет щекотливый! Как бы не зацепить чью-нибудь национальную гордость! Она по-прежнему воспринимается как наука молодая. Её представители и до сих пор ощущают себя первопроходцами.

Так, Владимир Гаврилович Крысько в своей книге пишет: *«Этническая психология – ещё одна из самых молодых и перспективных наук, поскольку она может внести свой вклад в решение ещё существующих сегодня межнациональных конфликтов и в строительство такого будущего мироустройства, где прогнозируемое многими учёными стирание различий между социальными группами будет происходить с учётом их национально-психологических особенностей»* (*Крысько В. Г.* Этническая психология. М., 2008: <http://www.studfiles.ru/preview/2978357>).

Своим путём к обнаружению основных особенностей русского характера шла отечественная историография. Её золотым веком, как и в русской художественной литературе, стал XIX век. Он ознаменовался выходом в свет таких выдающихся трудов, как «История государства Российского» Николая Михайловича Карамзина (1766–1826), «История русского народа» Николая Алексеевича Полевого (1796–1846), «Древняя русская история» Михаила Петровича Погодина

(1800–1875), «О развитии революционных идей в России» Александра Ивановича Герцена (1812–1870), «Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей» и «Домашняя жизнь и нравы великорусского народа» Николая Ивановича Костомарова (1817–1885), «История России с древнейших времён» Сергея Михайловича Соловьёва (1820–1879), «История политических учений» Бориса Николаевича Чичерина (1828–1904), «Русская история» Константина Николаевича Бестужева-Рюмина (1829–1897), «Общество и государство в домонгольский период русской истории» Николая Ивановича Хлебникова (1840–1880), «История России» Дмитрия Ивановича Иловайского (1832–1920), «Краткое пособие по русской истории» Василия Осиповича Ключевского (1841–1911), за которым уже в XX в. последовал его полный «Курс русской истории», и др.

Историческая наука XX в. внесла свой вклад в исследование национального своеобразия русского народа. О её блестящих успехах свидетельствуют труды Бориса Дмитриевича Грекова (1882–1953), Сергея Владимировича Бахрушина (1882–1950), Михаила Николаевича Тихомирова (1893–1965), Дмитрия Сергеевича Лихачёва (1906–1999), Владимира Васильевича Мавродина (1908–1987), Бориса Александровича Рыбакова (1908–2001), Валентина Лаврентьевича Янина (род. в 1929), Руслана Григорьевича Скрынникова (1931–2009), Игоря Яковлевича Фроянова (род. в 1936), Сергея Сергеевича Аверинцева (1937–2004) и мн. др.

В наше время предпринимаются попытки обнаружить цивилизационное своеобразие России с глобализационной точки зрения (см., например: Россия в архитектуре глобального мира. Цивилизационное измерение. Под ред. А. В. Смирнова. М., 2015). Бесценный источник для исследования русского характера – трёхтомная хрестоматия Сергея Кузьмича Иванова «Размышления о России и русских» (1994; 1996; 2006).

Постсоветские времена вознесли до небес лжеисториков, видящих смысл своей жизни в оплёвывании русской истории. Только один пример – акад. Ю. С. Пивоваров – тот самый, который был директором сгоревшей 30 января 2015 г. в Москве библиотеки ИНИОН РАН. Пожар, длившийся более суток, уничтожил более 5 миллионов экземпляров хранившихся в ней изданий.

В своём интервью журналу «Профиль» Ю. С. Пивоваров глубокомысленно заявил: «Тот же Александр Невский – одна из спорных, если не сказать смрадных фигур в русской истории, но его уже не развенчаешь... Невский, по сути, способствовал закреплению собственного народа кочевниками. Именно он оказался главным монголом Руси. Его стратегия оказалась ложной – монголы никуда не ушли. Он повинен в том, что не было сопротивления, формировалась соглашательская аристократия, которая, опираясь на кочевников, укрепляла свою власть. А Ледовое побоище – всего лишь небольшой пограничный конфликт, в котором

Невский повёл себя как бандит, напав большим числом на горстку пограничников. Так же неблагородно он поступил и в Невской битве, за что и стал Невским. В 1240 году он, пробравшись в ставку шведского ярла, правителя, Биргера, сам выбил ему копьём глаз, что среди рыцарей считалось не комильфо» (*Юрий Пивоваров*. «Должность царя у нас стала выборной» // Профиль. 1 сентября 2008 г.: <http://gpo.ru/news/1856/#>).

Особенно много русофобов было среди иностранцев. Вот почему и наши доморощенные русофобы воспринимаются как иностранцы, хоть они и изъясняются на русском языке. Заветная мечта русофобов всех времён и народов – уничтожение русских. Бандитизация русской истории – один из путей к её осуществлению. Замысел простой: бандитский народ должен быть уничтожен.

По всем каналам телевидения у нас без конца показывают теперь бандитские сериалы. Сначала их творцы переселили непомерно расплодившихся бандитов из реальной действительности на экран, но со временем аппетита у них разгорелись: они стали превращать в бандитскую всю русскую историю. Это неслучайно. Замысел такой: изобразить всю русскую историю по образу и подобию современной России. Их конечная цель – изобразить всю историю русских как историю бандитов. В бандитизме, с их точки зрения, состоит наше национальное своеобразие.

Легко ли обнаружить национальное своеобразие того или

инога народа? На уровне обыденного сознания – да. Так, об одном из них говорят, что его представители по преимуществу ленивые и нелюбопытные, о другом – хитрые и жадные, о третьем – чопорные и высокомерные, о четвёртом – легкомысленные и любвеобильные, о пятом – горячие и нечистоплотные и т. д.

Весьма сомнительную научную ценность имеют и более развёрнутые портреты того или иного народа. Возьмём, например, серию книжек под названием «Эти странные русские;... французы... израильтяне и т. д.». Вот что о «среднем русском» пишет в самом начале своей книжки Владимир Жельвис: «Национальный характер любого народа полон противоречивых и даже взаимоисключающих черт, но русские в этом отношении впереди многих. Средний русский – это меланхолик, который надеется на лучшее, одновременно тщательно готовясь к худшему. Часто для такой стратегии есть достаточные основания. "Вот так со мной всегда!" – печально восклицает русский, когда его постигает очередная неудача. Бормоча проклятия, он собирает разбросанные остатки своих позитков и начинает жизнь с новой страницы» (*Жельвис В. Эти странные русские. М., 2002. С. 5*).

Выходит, что «средний русский» – нытик и неудачник. Вдохновляющее начало!

А на следующей странице мы узнаём о себе ещё и вот что: «Если спросить русских, какими они видят себя, они ответят

в зависимости от сиюминутного настроения. А поскольку 23 часа в сутки настроение у них неважное, то, скорее всего, вы услышите, что они – самый несчастливый и невезучий народ в мире, что вот раньше, при коммунистах, всё было гораздо лучше, до революции ещё лучше, чем при коммунистах, а уж во времена Киевской Руси и вовсе великолепно. Сказав это, они упадут вам на грудь и оросят её горячими слезами. Если настроение у них будет получше, они, возможно, скажут вам, что они – самый доброжелательный, самый гостеприимный и самый дружелюбный народ на свете, и это будет уже гораздо ближе к истине» (там же. С. 6).

Резюмируем: в первую очередь мы воспринимаем себя как людей угрюмых, несчастных, невезучих, идеализирующих прошлое и лишь во вторую очередь – доброжелательных, гостеприимных и дружелюбных.

Странно, что этот В. Жельвис обошёл русскую лень. Но и без неё возникла невесёлая картинка! Ясно одно: речь идёт об индивидуальном представлении о русских со стороны нерусского человека, явно недолюбливающего русских.

Это особенно видно, когда автор книжки, о которой идёт речь, пишет о нашем восприятии других народов: «Англичане – такие забавные, с этими их древними традициями и дурацким юмором, который только они сами и понимают. Они, в общем-то, неплохие – всё-таки родственники последней царской фамилии и, подобно русским, любят гонять чай. Писатель у них только один – Шекспир. Французы – все

сплошь любовники, нет ни одного, кто был бы верен своей жене. У них писатель – Дюма, ну, тот, что написал "Трёх мушкетеров". Немцев русские представляют такими серьёзными, скучными и трудолюбивыми педантами, которые читают Шиллера и цитируют Гёте. Последнюю войну с Германией русские всё ещё вспоминают с дрожью, но то ж были другие немцы, правда? Итальянцы живут во дворцах, едят макароны, пьют кьянти и распевают неаполитанские песни. Очень весёлый народ. Писателей у них нету, но зато куча всяких художников, скульпторов и певцов. Самые лучшие – Микеланджело и Паваротти. Самые загадочные – это японцы. Они – восточный народ, и, значит, качество их жизни должно быть как у индийцев или китайцев, или хотя бы как у русских. Тот факт, что они достигли уровня европейского благосостояния, смущает и раздражает. Ну как это возможно? С японцами явно что-то не то! Тут какая-то ошибка природы» (там же. С. 8–9).

Где он откопал таких русских?

Русскому характеру В. Жельвис приписал следующие черты: *романтики в душе, чувство локтя, страдающая русская душа, мечта о халяве, русское терпение* (там же. С. 11–16).
Всё!

Намного ближе к истине в определении национальных черт русского народа был Николай Бердяев. В книге «Русская идея» (1946) он писал: «Русский народ есть в высшей степени поляризованный народ, он есть совмещение про-

тивоположностей... Противоречивость и сложность русской души может быть связана с тем, что в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории – Восток и Запад... Два противоположных начала легли в основу формации русской души: природная, языческая дионисическая стихия и аскетически монашеское православие. Можно открыть противоположные свойства в русском народе: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядоверие и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт» (Размышления о России и русских. Штрихи к истории русского национального характера. Вып. III. Сост. С. К. Иванов. М., 2006. С. 507–508).

Светлана Семёнова указала на следующие антиномии русского характера: *анархизм, мятежность, антибуржуазность и покорность, терпение, консервативная инертность; свободолюбие, аполитичность и государственность, бюрократизм; мессианская всечеловечность и национализм, почвенничество; богоискательство и воинственный атеизм* (Семёнова С. Г. Паломник в будущее. Пьер Тейяр де Шарден. СПб., 2009. С. 623).

Михаил Делягин приписал русским следующие черты: *всечеловечность, креативность, справедливость, свободолюбие, артельность, индивидуализм, терпеливость (пассивность, покорность, безынициативность), боязнь счастья, авральность*. Он вывел эти черты главным образом из азиатской привычки русских к насильственному объединению и их европейского индивидуализма. Он писал: «Принудительное внешнее объединение... полностью свободных внутренне элементов – это и есть формула российского общества» (Делягин М. Русская доля // Наша школа, 2010, № 10. С. 18). По поводу индивидуализма у русских у него читаем: «Русские – значительно большие индивидуалисты, чем даже американцы» (там же. С. 17).

Я мог бы найти и других авторов, приписывающих русским те или иные национальные черты, но лучше всего эти черты заявляют о себе не в высказываниях отдельных людей, даже если они очень пронизательны, а в наших пословицах. Их коллективный автор – русский народ. Вот почему именно в его пословичной картине мира и следует в первую очередь искать характерные черты русского народа.

1. Теоретические предпосылки

1.1. Картина мира

В. И. Постовалова в своё время указала на то, что при характеристике картины мира следует различать три её ипостаси – самое реалию (или феномен) картины мира, её понятие и термин: «Феномен, именуемый "картина мира", является таким же древним, как и сам человек. Создание первых картин мира у человека совпадает по времени с процессом антропогенеза. Тем не менее реалия, называемая термином "картина мира", стала предметом научно-философского рассмотрения лишь в недавнее время. Понятие картины мира находится в настоящий момент в стадии своего формирования» (*Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке / Под ред. Б. А. Серебрянникова. М., 1988. С. 12*).

Что касается термина «картина мира», то он был введён на рубеже XIX–XX веков в науку Г. Герцем и М. Планком, которые стали его употреблять применительно к физической природе. Последний из этих физиков, в частности, понимал под физической картиной мира «образ мира», формируемый физической наукой, и, как ни странно, утверждал, что «картина мира, мира вещей для всех людей оди-

накова» (Планк М. Единство физической картины мира. М., 1966. С. 106). В философии и лингвистике данный термин впервые стали употреблять Л. Витгенштейн, К. Ясперс и Л. Вайсгербер.

Термин *картина мира* вошёл в «Краткую философскую энциклопедию», где под ним понимается «совокупность мировоззренческих знаний о мире, совокупность предметного содержания, которым обладает человек» (Краткая философская энциклопедия / Сост. Е. Ф. Губский. М., 1994. С. 201). Более понятное определение данному термину даёт В. И. Постовалова: «Картина мира есть целостный глобальный образ мира» (указ. статья В. И. Постоваловой. С. 19).

В. И. Постовалова писала: «Существует несколько качественно различных типов субъектов картин мира: взрослые и дети; лица психически нормальные и лица с нарушениями в психике; люди современной цивилизации и люди архаического миропонимания. Соответственно выделяются три принципиально различных типа картин мира:

- 1) картина мира взрослого человека и детская картина мира;
- 2) картина мира психически нормального человека и психопатологическая картина мира;
- 3) "цивилизованная" картина мира и архаическая» (с. 32).

Подобные классификации картин мира, бесспорно, имеют право на существование, но они имеют узкое применение. Первая классификация, очевидно, важна, главным об-

разом, для педагогов, вторая – для психиатров, третья – для историков.

Широкую значимость для человека имеет культурологическая классификация картин мира, в основе которой лежат определённые сферы духовной культуры.

Культурологическая точка зрения на типологию картин мира предполагает, что основные типы картин мира связаны с шестью сферами духовной культуры – религией, наукой, искусством, нравственностью, политикой и языком. Каждый из этих компонентов предопределяет соответственный тип картины мира. В итоге мы получим шесть базовых картин мира – религиозную, научную, художественную, нравственную, политическую и языковую. Каждая из них строит свою модель мира, осваивая свой взгляд на мир.

Субъектами религиозной картины мира являются верующие, субъектами научной картины мира – учёные, субъектами художественной картины мира – художники, субъектами нравственной картины мира – моралисты, субъектами политической картины мира – политики и субъектами языковой картины мира – рядовые носители повседневного языка. Все они смотрят на один и тот же (хотя и меняющийся) объект – мир, но смотрят на него по-разному (см. подр.: *Даниленко В. П., Даниленко Л. В. Эволюция в духовной культуре: свет Прометея. М., 2012*).

«Человек стремится каким-то адекватным способом создать в себе простую и ясную картину мира, – писал А. Эйн-

штейн, – для того, чтобы оторваться от мира ощущений, чтобы в известной степени попытаться заменить этот мир созданной таким образом картиной. Этим занимаются художник, поэт, теоретизирующий философ и естествоиспытатель, каждый по-своему. На эту картину и её оформление человек переносит центр тяжести своей духовной жизни, чтобы в ней обрести покой и уверенность, которые он не может найти в слишком тесном головкружительном круговороте собственной жизни» (*Эйнштейн А.* Собрание научных трудов. М., 1964, т. 2. С. 136).

Каждый из шести выделенных типов картины мира имеет множество подтипов. Так, религиозный тип включает в себя столько подтипов, сколько на свете существует религий. Следовательно, можно говорить об индуистской, иудаистской, христианской, исламской, зороастрийской и т. п. картинах мира. Более того, они имеют особые национально-исторические формы своего существования (одна форма языческой картины мира, например, была у древних славян, другая – у скифов и т. д.).

Особого внимания в этой книге заслуживают научная и языковая картины мира. Рассмотрим их в сравнительном плане.

Почему язык стали уподоблять науке?.. «Язык производит организацию опыта, – отвечает Б. Уорф. – Мы склонны думать о языке просто как о технике выражения, и мы понимаем, что язык прежде всего есть классификация и обра-

ботка потока чувственного опыта, результатом чего является некоторый мировой порядок... Другими словами, язык делает более грубо... то же самое, что делает наука...» (Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960. С. 151).

А. Эйнштейн писал: «Наука – это неустанная многовековая работа мысли свести вместе посредством системы все познавательные явления нашего мира» (Умное слово / Сост. А. И. Соболев. М., 1966. – С. 216). Вместо слова *наука* мы можем поставить здесь также и слово *язык*.

В самом деле, язык и наука – каждый по-своему – классифицируют явления объективного мира и приводят знания о них в систему. Эту систему метафорически можно назвать картиной мира. В случае с языком – это языковая картина мира, а в случае с наукой – научная. Эти картины объединяет два фундаментальных атрибута – классификационность и системность. Но между ними имеются и различия, хотя они и не носят абсолютного характера.

Главное различие между языковой и научной картинами мира заключается в том, что первая отражает результаты деятельности обыденного (массового) сознания, а другая – научного. Из этого фундаментального различия вытекают и другие, производные из него, расхождения между данными картинами мира:

- 1) при формировании языковой картины мира в большей мере действует субъективный (человеческий) фактор, чем объективный. Иначе говоря, языковая картина мира менее

объективна, чем научная;

2) языковая картина мира всегда имеет национальную специфику, поскольку её демиургом и носителем является тот или иной народ, а научная картина мира стремится быть универсальной (интернациональной). Иными словам, языковая картина мира характеризуется идиоэтничностью, а научная – универсальностью;

3) языковая картина мира плюралистичнее научной. В последней в большей мере, чем в первой, представлена тенденция к монизму.

Другие отличия, имеющиеся между языковой и научной картинами мира, связаны с их «возрастом», изменчивостью и фиксированностью в знаках:

4) языковые картины мира несоизмеримо старше научных, поскольку язык появился значительно раньше науки;

5) языковая картина мира консервативнее научной. Иначе говоря, смена представлений, имеющихся в научной картине мира, происходит намного быстрее, чем в языковой;

6) языковая картина мира до сих пор зафиксирована лишь на уровне отдельных примеров, подчёркивающих разницу между языками. Картина мира в целом до сих пор не реконструирована ни в одном из языков. Научная картина мира, напротив, характеризуется весьма высокой степенью фиксированности в знаках.

1.2. Научная картина мира

Научная картина мира в наибольшей степени приближается к адекватной модели всего мироздания. Она исторически изменчива (см. подр.: Даниленко В. П., Даниленко Л. В. Эволюция в духовной культуре: свет Прометея. М.: КРА-САНД, 2012. 640 с). Если обратиться к современной научной картине мира, то её обобщённый эскиз может выглядеть следующим образом.

Весь мир часто называют *универсумом* (*universum* по-латински – *мир как целое, всё сущее*), а его эволюцию (*evolutio* по-латински – *развиваю, развёртываю*) – *унигенезом* (*γεννητος* по-гречески – *происхождение, развитие*). Но у мира есть ещё и полуметафорическое название – *мироздание*. Следует сразу уточнить: мироздание *четырёхэтажное*.

На первом этаже мироздания расположилась физическая природа (звёзды, планеты, вода, воздух и т. д.). Её можно назвать также физиосферой. Внутри этого, нижнего, этажа происходит её эволюция – физиогенез. У физиосферы нет эволюционного возраста, потому что она вечна. Но эволюционный возраст Земли известен – около 4,54 миллиарда лет. Она возникла из солнечной туманности. Возраст же Солнца – приблизительно 4,57 миллиарда лет. Округлённо говоря, Солнце и Земля возникли приблизительно 4,5 миллиарда лет назад.

На втором этаже мироздания расположилась живая природа (растения, животные, люди). Её можно также назвать биосферой. Внутри этого этажа происходит её эволюция – биогенез. Предполагают, что жизнь возникла на Земле 3,9 миллиарда лет назад. Выходит, что эволюционный возраст биосферы – около 4 миллиардов лет. Выходит также, что Земля была безжизненной более полумиллиарда лет.

На третьем этаже мироздания мы обнаруживаем психику (ощущения, восприятия, представления, понятия и т. д.). Её можно назвать также психосферой. Внутри этого этажа протекает её эволюция – психогенез. Если психическую способность приписывать всем животным, то можно сказать, что эволюционный возраст психосферы совпадает с возрастом животных.

На четвёртом этаже мироздания, наконец, расположилась культура (пища, одежда, жилище, техника, религия, наука, искусство, нравственность и т. д.). Её можно назвать также культуросферой. Внутри этого, верхнего, этажа происходит её эволюция – культурогенез. Эволюционный возраст культуросферы совпадает с эволюционным возрастом человечества, поскольку создателем культуры стал человек. Собственно говоря, наш животный предок потому и стал превращаться в человека, что он стал создавать культуру. Вот почему культурогенез можно назвать также антропогенезом или гоминизацией (очеловечением). Его эволюционный возраст – приблизительно 2,5 млн. лет.

Любая сфера культуры прошла через свою эволюцию. Это касается, в частности, науки, нравственности, политики и языка. См. мои книги:

- *От тьмы – к свету*. Введение в эволюционное науковедение. СПб.: Алетейя, 2015. 429 с.
- *От животного – к человеку*. Введение в эволюционную этику. СПб.: Алетейя, 2015. 391 с.
- *От несправедливости – к справедливости*. Введение в эволюционную политологию. СПб.: Алетейя, 2016. 410 с.
- *От предъязыка – к языку*. Введение в эволюционную лингвистику. СПб.: Алетейя, 2015. 387 с.

За сравнительно короткий срок культура превратилась во «вторую природу». «Культура предстаёт как сотворённая человеком "вторая природа", надстроенная над природой естественной, как мир, созданный человеком, в отличие от девственной природы» (Фролов И. Т. и др. Введение в философию. В 2 ч. Ч. 2. М., 1989. С. 524).

В метафоре *вторая природа* по отношению к культуре заложен глубокий смысл. Она говорит нам, во-первых, о том, что продукты культуры создаются из природных материалов, а во-вторых, о том, что культура колоссальным образом увеличивает наши природные возможности: лопата, ткацкий станок, подъёмный кран и т. п. – возможности наших рук; автомобиль, поезд, самолёт и т. п. – возможности наших ног; телефон, радио, диктофон и т. п. – возможности нашего слуха; микроскоп, бинокль, телескоп и т. п. – возможности

нашего зрения, а компьютер – возможности нашей головы. Культура в конечном счёте сделала человека самым могущественным существом на Земле.

Но, увы, у эволюции имеется и её антипод – инволюция (*involutio* по-латински – *свёртываю*). Вот почему в только что изображённое мироздание мы должны внести существенное дополнение.

Физиогенез, биогенез, психогенез и культурогенез не существуют сами по себе. Они находятся в отношениях коэволюции. Они представляют собою разные формы единого процесса – эволюции. Но существуют и аналогичные формы инволюции. Воспользовавшись латинской приставкой «а-», подобной нашей «не-», мы можем назвать эти формы афизиогенезом, абиогенезом, апсихогенезом и акультурогенезом.

В каждом этаже мироздания мы обнаруживаем единство и борьбу эволюции и инволюции – физиогенеза и афизиогенеза, биогенеза и абиогенеза, психогенеза и апсихогенеза, культурогенеза и акультурогенеза. Всё дело лишь в том, чтобы в борьбе, о которой идёт речь, эволюция одерживала верх над инволюцией. В противном случае в истории человечества произойдёт переворот, о последствиях которого мы можем сейчас лишь догадываться. Он перевернёт этот мир с ног на голову, поскольку он будет состоять в замене эволюции на инволюцию. Это означает, что силы последней начнут одерживать верх над силами первой. Эволюционное,

прогрессивное движение станет уступать место инволюционному, регрессивному. Эволюция в этом случае придёт к своему исходному пункту. Для людей это не что иное, как человекообразное обезьянье стадо.

Что мы имеем уже сейчас? О замене эволюционной доминанты в мире на инволюционную уже и сейчас свидетельствуют очень многие факты. Возьмём для начала соотношение между физиогенезом и афизиогенезом. Теория большого взрыва предсказывает, что в далёком будущем расширение Вселенной сменится её сужением. Это, очевидно, означает, что эволюция в физиосфере (физиогенез) уступит место инволюции (афизиогенезу), поскольку конечным пунктом её сужения станет сверхплотное вещество, подобное тому, из которого произошла современная Вселенная.

До господства афизиогенеза над физиогенезом, к счастью, ещё очень далеко, но теоретически это господство по существу означает уничтожение всех этажей мироздания, возвышающихся над его первым этажом.

А как обстоит дело со вторым этажом мироздания, пока его не тронул далёкий афизиогенез? Происходит ли эволюция живой природы в наше время?

В начале 30-х годов XX века южноафриканский биолог Р. Броум пытался остановить эволюцию живой природы. Он заявил о её конце. Более того, он утверждал, что птицы и млекопитающие перестали эволюционировать 40 миллионов лет назад. Британский палеоантрополог А. Кейтс отреагиро-

вал на заявление Р. Броома о конце эволюции таким образом: «Не существует фактов, которые заставили бы нас уверовать в то, что природа сегодня менее плодovита, чем раньше» (*Галл Я. М. Джулиан Сорелл Хаксли. М., 2004. С. 188*). Точку зрения Р. Броома, как ни странно, поддержал знаменитый английский биолог Дж. Хаксли.

Мы должны присоединиться к А. Кейтсу. Мы пока ещё живём в мире, где эволюция – в том числе и в живой природе – господствует над инволюцией. Однако из этого оптимистического заявления вовсе не следует вывод о том, что в современной биосфере, как и физиосфере, всё благополучно. Экологи кричат об обратном. Абиогенез в современном мире навязан природе ненасытными человеческими потребностями.

О ситуации с соотношением эволюции и инволюции в культуре я написал целую книгу: «Инволюция в духовной культуре: ящик Пандоры» (М.: КРАСАНД, 2012. 576 с). В последние десятилетия Пандора явно облюбовала Россию. Как из ящика Пандоры, сыплются из телевизора на наши головы новости о нескончаемых катастрофах. Каждый день нам сообщают о массовых человеческих жертвах – то от урагана, то от наводнения, то от пожара, то от затопления, то от завала, то от крушения, то от взрыва, то от отравления, то от террориста, то от заказного убийцы, то от сексуального маньяка... Плачь, Русская земля!

В ходу у нас теперь не только «*лже*», но и «*де*»: де-

фляция, деиндустриализация, деколлективизация, дегуманизация, деинтеллектуализация, дебилизация, десоветизация, десталинизация и прочие «де», а в итоге – деградация и депопуляция всей страны. В результате мы вырвались на первое место в мире по количеству самоубийств, числу разводов, аборт, убыли населения, потреблению спирта, табака, смертности, продаже поддельных лекарств, потреблению героина, количеству авиакатастроф...

Каждый этаж мироздания, а стало быть, и мироздание в целом, вмещает в себя не только эволюцию, но и инволюцию. Как та, так и другая должны исследоваться наукой. Каким образом мы можем представить себе классификацию базовых наук?

Каждый этаж мироздания изучается особой наукой. Его первый этаж изучается физикой, его второй этаж – биологией, его третий этаж – психологией и его четвёртый этаж – культурологией (или антропологией). Каждая из этих четырёх наук называется *частной*, поскольку она изучает лишь соответствующую *часть* мира. Но есть ещё и *общая* наука, возвышающаяся над всеми частными науками, *обобщающая* достижения всех частных наук. Эта наука называется философией.

Классификацию базовых наук, таким образом, можно изобразить такой таблицей:

ФИЛОСОФИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ПСИХОЛОГИЯ
БИОЛОГИЯ
ФИЗИКА

Все пять наук называются базовыми потому, что они составляют основу (базу) для других наук – входящих в эти пять базовых наук. Так, в физику входят такие науки, как астрономия, геология, гидрология и т. п., в биологию – ботаника, зоология, генетика и т. п., в психологию – зоопсихология и психология человека, а в культурологию – науки о материальной культуре и духовной культуре. В последние следует включить религиоведение, науковедение, искусствоведение, этику, политологию и лингвистику. Предметами их изучения являются шесть компонентов духовной культуры – религия, наука, искусство, нравственность, политика и язык.

Философия – наука наук. Она опирается на четыре частные науки, чтобы обобщить их в единую общенаучную картину мира. Степень её истинности в первую очередь зависит от наличия в сознании её создателей самого передового научного мировоззрения – универсального эволюционизма.

Но эволюционизм не должен оставаться привилегией философов. Он уже охватил все частные науки. Более того, он охватит в будущем обыденное сознание. Именно эволюционизм позволит человечеству выжить. Дело стало за малым – ему надо учиться, учиться и учиться.

Начинать нужно с основных понятий универсального эволюционизма, которые можно представить в виде следующей

таблицы:

УНИВЕРСУМ	
ЭВОЛЮЦИЯ Гармонизация: хаос → гармония Физиогенез → биогенез → психогенез → культурогенез	ИНВОЛЮЦИЯ Хаотизация: хаос ← гармония Афизиогенез ↔ абиогенез ↔ апсихогенез ↔ акультурогенез
КУЛЬТУРА	
Гоминизация: животное → человек	Анимализация: животное ← человек

<i>РЕЛИГИЯ</i>	
Атеизация: вера → безверие	Теизация: вера ← безверие
<i>НАУКА</i>	
Сциентизация: ложь → истина	Антисциентизация: ложь ← истина
<i>ИСКУССТВО</i>	
Эстетизация: безобразное → прекрасное	Антиэстетизация: безобразное ← прекрасное
<i>ПРАВСТВЕННОСТЬ</i>	
Морализация: зло → добро	Аморализация: зло ← добро
<i>ПОЛИТИКА</i>	
Политизация: несправедливость → справедливость	Аполитизация: несправедливость ← справедливость
<i>ЯЗЫК</i>	
Лингвизация: разобщение → единение	Алингвизация: разобщение ← единение

Эволюционный смысл универсума (а человек – его частица) – слева, инволюционная атака на этот смысл – справа.

Только шесть комментариев к приведённой схеме универсума.

1. Эволюция религиозного сознания осуществляется в направлении от неверия к вере. Это направление можно назвать теизацией. Она сыграла положительную роль в гоминизации. Но уже Средние века показали, что вред, наносимый

культуре со стороны религии, преобладает над пользой. Вот почему мудрые головы видят в религии фактор, тормозящий культурную эволюцию. На его место они ставят атеизацию – движение от веры в Бога к безверию.

2. Эволюция в науке состоит в движении от лжи к истине. Это движение можно назвать сциентизацией. Без сциентизации человеческого сознания никакой прогресс в культуре невозможен. Более того, сциентизация – главный фактор очеловечения.

3. Эволюция в искусстве состоит в движении от безобразного к прекрасному. Это движение можно назвать эстетизацией. Без эстетизации человеческого сознания процесс очеловечения немислим. Эстетически неразвитый человек есть человек неполноценный.

4. Эволюция в нравственности состоит в движении от зла к добру. Это движение называется морализацией. Без морализации человеческого сознания общественный прогресс невозможен. Человек безнравственный есть зверь.

5. Эволюция в политике состоит в движении от несправедливости к справедливости. Это движение – политизация. Без массовой политизации движение к справедливому политическому строю не представляется возможным. Человек аполитичный есть раб несправедливого социального режима.

6. Эволюция в языке состоит в движении от разобщения к единению. Это движение – лингвизация. Без лингвизации об очеловечении говорить не приходится. Недаром грузины

говорят: сколько языков ты знаешь, столько раз ты человек. Своим существованием культурная эволюция обязана человеку говорящему. Человеческий род без языка – нонсенс. Лингвизация – путь к социальности, тогда как алингвизация – путь к асоциальности.

Атеизация, сциентизация, эстетизация, морализация, политизация и лингвизация – вот шестеричный путь, ведущий нас к эволюционным идеалам. Только на этом пути мы обретаем свою сущность – человечность.

1.3. Языковая картина мира

Истоки понятия языковой картины мира восходят к учению Вильгельма фон Гумбольдта (1767–1835) о внутренней форме языка. Его автор различал две формы языка – внешнюю и внутреннюю.

Под внешней формой того или иного языка В. Гумбольдт имел в виду его звуковое своеобразие, а под его внутренней формой – смысловое (семантическое) своеобразие (см. подр.: *Даниленко В. П. Вильгельм фон Гумбольдт и неогумбольдтианство. М., 2010*).

Термины *внутренняя форма языка* и *языковая картина мира* следует расценивать как синонимические, поскольку В. Гумбольдт интерпретировал внутреннюю форму языка как мировидение, заключённое в языке. Он писал: «*Всякий язык в любом из своих состояний образует целое некоего мировидения, содержа в себе выражение всех представлений, которые нация составляет себе о мире, и для всех ощущений, которые мир вызывает в ней*» (*Радченко О. А. Язык как мирозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. Ч. 1. М., 1997. С. 64*).

Любой язык отображает мир, но отображает его с определённой точки зрения – той точки зрения, с которой смотрел на него народ, создавший данный язык. В любом языке, таким образом, представлен универсально-объективный

аспект (он связан с отражением в языке объективной реальности как таковой) и субъективно-национальный (идиоэтнический), который отражает уже не мир как таковой, а точку зрения на него со стороны носителей этого языка.

Элементарный пример: французы, немцы и англичане, в отличие от русских, вербализуют руку не целиком, а деля её на две части: *main-bras*; *Hand-Arm*; *hand-arm*. Выходит, что на руку они смотрят с разных точек зрения. Если же суммировать разные точки зрения на один и тот же мир во всех языковых системах, то и выйдет, что в каждой из них заключено не что иное, как особое мировидение.

Переход от одного языка к другому представлялся В. Гумбольдту как смена одного языкового мировидения на другое. Он писал: «Каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка. Освоение иностранного языка можно было бы уподобить завоеванию новой позиции в прежнем видении мира» (*Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию*. М, 1984. С. 80).

Термина *языковая картина мира* мы не найдём у авторов гипотезы Сепира-Уорфа. Но отсюда не следует, что у них не фигурировало само понятие языковой картины мира. Это понятие, в частности, вырисовывается в таких выдержках из работ Эдварда Сепира (1884–1939):

1. «Мир языковых форм, взятый в пределах данного язы-

ка, есть завершённая система обозначения... Переход от одного языка к другому психологически подобен переходу от одной геометрической системы отсчёта к другой» (*Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 252*).

2. «Каждый язык обладает законченной в своём роде и психологически удовлетворительной формальной ориентацией, но эта ориентация залегает глубоко в подсознании носителей языка» (там же. С. 254).

3. «Языки являются по существу культурными хранилищами обширных и самодостаточных сетей психических процессов» (там же. С. 255).

Термин «языковая картина мира» (*sprachliches Weltbild*) был введён в науку Лео Вайсгербером (1899–1985). Он приписывал языковой картине мира шесть существенных признаков – словоцентризм, системность, своеобразие, изменчивость, действенность и сложность.

Словоцентризм языковой картины мира, по Л. Вайсгерберу, состоит в том, что любой язык по-своему ословливает (вербализует) мир, т. е. делит его на те или иные явления, обозначаемые с помощью слов. Так, словесное поле родства в разных языках по-своему делит подведомственную ему область. Например, в немецком языке – в отличие от сербохорватского, как и русского, – нет слов для обозначения тестя и свекра. Немцы вынуждены говорить о них с помощью словосочетаний – отец жены и отец мужа.

Языковая картина мира есть системное, целостное представление о мире. В этом состоит ее *второй признак*. Это означает, что каждый язык изображает по-особому *весь мир*, а не только отдельные его фрагменты. Неслучайно вслед за В. Гумбольдтом Л. Вайсгербер писал: «Язык позволяет человеку объединить весь свой опыт в единую картину мира» (*Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа. М., 1993. С. 51*).

Языковая картина мира своеобразна у каждого народа. В этом состоит её *третий признак*. Так, разные языки по-разному делят цветовой спектр. Например, в немецком, как и в английском и французском, нет специальных слов для обозначения синего и голубого цветов. С другой стороны, во вьетнамском имеется 13 наименований для разных видов бамбука, тогда как в европейских языках они отсутствуют.

Четвёртый признак языковой картины мира – её изменчивость. Л. Вайсгербер пояснял это на примере словесного членения животного царства в современном языке и в его истории. Оказалось, что языковая картина животного мира в разные периоды развития немецкого языка оказалась разной. Так, в древности немецкий язык классифицировал животных на пять групп: *домашние животные, бегаящие дикие, летающие, плавающие, ползающие*. В современном же языке картина мира животных у немцев иная.

Пятая черта языковой картины мира – её действенность в отношении познавательной и практической деятельности

человека. Л. Вайсгербер настаивал на господстве языковой картины мира в сознании человека над другими картинами мира – мифологической (религиозной), научной, политической и т. п. С его точки зрения, именно язык направляет познание по определённом руслу со значительно большей силой, чем это делают другие картины мира. Он писал: «Человек, который вырастает в некий язык, находится на протяжении всей жизни под влиянием своего родного языка, действительно думающего за него» (там же. С. 168).

Шестая черта языковой картины мира, по Л. Вайсгерберу, – её сложность. Она состоит в том, что она складывается из четырёх её разновидностей – словообразовательной, словесной, морфологической и синтаксической. Каждая из них изображает мир, однако возможности словообразовательной, морфологической и синтаксической картин мира в моделировании мира не идут ни в какое сравнение с аналогичными возможностями словесной (лексической) картины мира. Лексических единиц в любом языке намного больше, чем словообразовательных, морфологических и синтаксических. Вот почему именно лексика, а не другие единицы языка, позволяет изобразить мир в достаточно адекватном виде (см. подр.: Даниленко В. П. Вильгельм фон Гумбольдт и неогумбольдтианство. М., 2010. С. 120–123).

«Словарный запас конкретного языка, – писал Л. Вайсгербер, – включает в целом вместе с совокупностью языковых знаков также и совокупность понятийных мыслитель-

ных средств, которыми располагает языковое сообщество; и по мере того, как каждый носитель языка изучает этот словарь, все члены языкового сообщества овладевают этими мыслительными средствами; в этом смысле можно сказать, что возможность родного языка состоит в том, что он содержит в своих понятиях определённую картину мира и передаёт её всем членам языкового сообщества» (Радченко О. А. Язык как мирозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. Т. 1. М., 1997. С. 250).

Обобщению современных представлений о лексической картине мира посвящена книга Олега Александровича Корнилова «Языковые картины мира как производные национальных менталитетов» (2-е изд. М., 2003). Её автор анализирует в этой книге лексико-семантические поля (ЛСП) рыб, звукоподражаний и др.

Если у Л. Вайсгербера излюбленными были поля цветообозначений и родственников, то у О. А. Корнилова таким полем стало ЛСП насекомых (энтмосемизмов). Он называет это поле лексико-семантической группой (ЛСГ). При этом он сравнивает эту группу с соответственной научной (биологической) классификацией.

О. А. Корнилов насчитал в русском языке 79 наименований насекомых, но только 9 из них вошли в ядерную зону соответственного ЛСП. О. А. Корнилов пишет в связи с этим: «Полевую структуру ЛСГ энтмосемизмов, по нашему мнению, можно представить в виде ядра, группы наименований,

примыкающих к ядру, и периферии. Ядро ЛСГ составили девять наименований: *муха, пчела, оса, стрекоза, кузнечик, жук, бабочка, комар, муравей*. Именно эти наименования (и в таком порядке) включены в «Лексическую основу русского языка» под редакцией В. В. Морковкина» (указ. соч. О. А. Корнилова. С. 30). В эти слова надо вникнуть поглубже! Из них следует, что в ядерную зону ЛСП энтомосемизмов в русском языке входят наименования только девяти (!) насекомых. Только и всего! Сразу напрашивается предположение о *количественной* разнице между ЯКМ и научной. Это предположение подтверждает О. А. Корнилов.

На 29 странице он помещает схему, в которой представлены наименования *отрядов* насекомых. Вот что показывает эта схема: в ней всего 28 наименований. Все они входят в научную классификацию энтомосемических отрядов. При этом только 10 из них входят не только в эту классификацию, но и в соответственное ЛСП в русском языке. Эти 10 энтомосемизмов такие: *тараканы, термиты, пухоеды, вши, клопы, жуки, блохи, мухи, ручейники* и *бабочки*.

Мне кажется, цифру 10 здесь надо уменьшить, по крайней мере, на два наименования – *пухоеды* и *ручейники*. Они явно неизвестны русскому носителю обыденной (языковой) картины мира. В любом случае эта небольшая группа слов, вошедших в картину мира русского языка, соседствует в научной картине мира, по мнению О. А. Корнилова, с 18-ю (с 20-ю – по моему мнению) неизвестными широкой публи-

ке научными наименованиями отрядов насекомых. Вот только некоторые из них: *прямокрылые, эмбии, кожистокрылые, трипсы, вислоккрылые, верблюдки, сетчатокрылые, перепончатокрылые, скорпионницы* и др.

На данном примере прекрасно видно, что язык в области терминологии явно отстаёт от науки. Между ними существенная *количественная* разница. ЯКМ усвоила намного меньше терминов, чем научная картина мира.

Но между ЯКМ и научной имеется не только количественная, но и качественная разница. Она состоит в том, что дефиниции научных терминов и терминов, вошедших в ЯКМ, далеко не всегда совпадают. Вот как это объясняет О. А. Корнилов: «Обиходные значения отличаются от научных понятий не просто объёмом, но и "качеством", т. к. языковое сознание может приписывать слову элементы значения, не соответствующие научному знанию о называемом объекте» (там же. С. 37).

1.4. Мифологическая картина мира у славян

У славян были свои мифологические представления о трёх областях мира – небе, земле и подземном царстве.

Небо

Небо – обитель высших славянских богов – Перуна, Стрибога, Сварога, Сварожича, Дажьбога, Хорса, Рода, Белеса, Ярилу, Ладу, Лель, Мокошь, Симаргла.

Только шесть из перечисленных богов великий князь Владимир Святославович в 978 (или в 980 г.) поместил в киевское языческое святилище. Вот как об этом рассказывается в «Повести временных лет», которая была составлена монахом Киево-Печерского монастыря Нестором около 1113 г.: «Поставил (Владимир) кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряною головою и золотыми усами, и Хорса, Дажьбога, и Стрибога, и Симаргла, и Мокоши. И приносили им жертвы, называя их богами, и приводили к ним своих сыновей и дочерей, и поклонялись бесам, и оскверняли землю жертвоприношениями своими» (*Волошина Т. А., Астапов С. Н. Языческая мифология славян. Ростов-на-Дону, 1996. С. 240–241*).

В своей «Истории России с древнейших времён» С. М.

Соловьёв так описал крещение киевлян в 988 г.: «По возвращении в Киев Владимир прежде всего крестил сыновей своих и людей близких. Вслед затем велел ниспровергнуть идолов... Из ниспровергнутых идолов одних рассекли на части, других сожгли, а главного, Перуна, привязали лошади к хвосту и потащили с горы, причём двенадцать человек били истукана палками: это было сделано, прибавляет летописец, не потому, чтобы дерево чувствовало, но на поругание бесу, который этим идолом прельщает людей: так пусть же от людей примет и возмездие. Когда волокли идола в Днепр, то народ плакал; а когда Перун поплыл по реке, то приставлены были люди, которые должны были отталкивать его от берега до тех пор, пока пройдет пороги. Затем приступлено было к обращению киевского народа; митрополит и священники ходили по городу с проповедью: по некоторым, очень вероятным известиям, и сам князь участвовал в этом деле» (Размышления о России и русских. Штрихи к истории русского национального характера. Т. I. Сост. С. К. Иванов. М., 1994. С. 57–58).

Процесс христианизации русского народа был чрезвычайно мучительным. Очень многие оказывали ей сопротивление. Приходилось применять насилие. Об этом свидетельствует пословица о крещении новгородцев: *Путьята крестил их мечом, а Добрыня – огнём*. О сопротивлении христианизации со стороны нашего народа, между прочим, свидетельствует в какой-то мере, тот факт, что, хотя и в очень

ущербном виде, славянская мифология дошла до нашего времени.

Перун

Подобно Зевсу, Перун был не только богом грома и молнии («*пярун*» по-белорусски значит «*гром*»), но и верховным богом, богом-вседержителем, богом-мироправителем. Н. М. Карамзин писал: «В России до введения христианства первую степень между идолами занимал Перун, бог молнии, которому славяне еще в VI веке поклонялись, обожая в нем верховного Мироправителя» (*Волошина Т. А., Астаповт С. Н. Языческая мифология славян. Ростов-на-Дону, 1996. С. 72*).

Об особом, наиболее почтительном отношении славян к Перуну говорит тот факт, что после принятия Владимиром христианства идола Перуна в Киеве не изрубили на куски и не сожгли, как других идолов, а опустили в воды Днепра. Двенадцать дружинников сопровождали кумир Перуна по мере продвижения его по течению реки до того момента, пока он не прибился к острову.

Более того, образ Перуна не был полностью изжит из памяти народной и в дальнейшем. Этот образ трансформировался в христианстве в образ пророка Ильи, который ездит по небу на огненной колеснице. Мы можем сказать, что 20 июля – не только Ильин, но и Перунов день. Этот день обыч-

но воспринимается у нас как окончание купального сезона.

Возможно, образ Перуна связан с животным тотемом – конём. Вот почему славянские сказки и былины изображали его в виде всадника на коне или на колеснице, который поражает свою палицей Змея Горыныча. Победа над ним означала освобождение дождя, несущего земле живительное плодородие. Мы наблюдаем здесь слияние мифологии с народным искусством – фольклором.

А. Н. Афанасьев писал: «Трудные подвиги богатырей и их битвы с великанами и змеями суть только образные, поэтические изображения естественных явлений, так могущественно влияющих на производительность земли. Солнце, закрываемое темными тучами, в народных сказках представляется девою неопикуемой красоты, похищаемой змием, который уносит её в свои неприступные горы и ограждает крепкими затворами; освободителем красной девицы является богатырь, владетель чудодейственного меча-саморуба, то есть сам Перун, божество грозы и молнии; он проникает в мрачные подземелья, выпивает там всю сильную воду и поражает змия, или, говоря простым обыкновенным языком, он разбивает тучи молнией, проливает на землю дождь и выводит из змеиных пещер деву-солнце» (там же. С. 76–77).

Но Перун, по религиозным представлениям, – не только защитник людей, за их проступки он может карать людей неурожаем, голодом или поветрием (эпидемией). В подобных представлениях просматривается нравственная функ-

ция Перуна, основанная на устрашении. Имея в виду эту функцию, М. М. Херасков в поэме «Владимир возрожденный» так описывал Перуна: «Боги велики, но страшен Перун! Ужас наводит тяжёла стопа, как он, в предшествии страшной грозы, мраком одеян, вихрями повит, грозные тучи ведёт за собою...» (там же. С. 82).

Стрибог

По мнению многих исследователей, Стрибог старше Перуна. Вот почему его функциональная природа не поддается строгому объяснению. Его определяли и как верховного бога славянского пантеона, и как деда ветров, и как бога погоды, и как бога-строителя добра, и как бога-отца, и как бога неба.

Две последние точки зрения на функциональную природу Стрибога могут быть объединены в одну. Это позволит говорить об этом боге как небе-отце всей вселенной. Генетическая сторона славянской мифологии держится на догадках. Так, если Стрибога расценивать как небесного отца, то в качестве его жены следует рассматривать мать-сыру землю.

Опираясь на древнейшие космогонические представления, А. Н. Афанасьев писал: «Летнее небо обнимает Землю в своих горячих объятиях, как невесту или супругу, рассыпает на неё сокровища своих лучей и вод, и Земля становится чреватой и несёт плод, не согретая весенним теплом, не напоённая дождями, она не в силах ничего произвести.

В зимнюю пору она каменеет от стужи и делается неплодородною...» (там же. С. 107).

Во времена Владимира Великого верховный статус Стрибога в славянском пантеоне был уже утрачен. Этот статус перешёл к Перуну, однако и авторитет Стрибога оставался ещё высоким. Вот почему его идол был выставлен Владимиром в киевском языческом святилище среди других пяти славянских богов.

Сварог, Сварожич, Дажьбог, Хорс

Сварог, Сварожич, Дажьбог и Хорс – солнечные божества. Во многом их функции переплетаются. Может, поэтому Владимир оставил в своем капище только двух из них Хорса и Дажьбога? К чему являть солнце в четырёх божественных ликах, если достаточно двух? Выбор пал на Дажьбога и Хорса. Тем не менее, солнечных божеств у славян было больше, что свидетельствует о том, что солнцу они отдавали предпочтение перед всеми другими явлениями природы.

Как здесь не согласиться с нашими предками? Действительно, без солнца наша планета так и осталась бы мёртвым телом – без жизни, без души, без творчества. Солнечные божества, вместе с тем, имели у славян и некоторые специфические черты. Это позволяет нам говорить о них как о разных божествах.

Сварога можно охарактеризовать не только как бога Солн-

ца, но и как бога Культуры. Вот как о нём пишут Т. А. Волошина и С. Н. Астапов: «Итак, Сварог в славянской мифологии – бог небесного огня и одновременно податель культурных благ. Согласно верованиям славян Сварог первый начал ковать железо и научил этому людей, сбросив им с неба клещи; установил законы моногамной семьи; сделал первый плуг и научил людей плужному земледелию; победил змея; построил мощные укрепления – Змиевы валы» (там же. С. 92). В Средние века Сварог был заменен святыми Кузьмой и Демьяном. Они известны славянам прежде всего как покровители семьи и кузнечного дела (*Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 547*).

Сварог – не просто олицетворение небесного огня (солнца), он и его творец, создатель, демиург. Согласно легенде, опубликованной в первом томе трёхтомной книги А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» (М., 1865), были времена, когда солнца ещё не было. На земле стояла полутьма. Сварогу в связи с этим было трудно наблюдать за людьми. Он нашел выход – вынул из-за пазухи огромное небесное светило – солнце, которое своими лучами стало освещать людские дела.

Сварожич и Дажьбог – дети Сварога. Оба они – боги солнечного света, солнечных лучей. Дажьбога часто сравнивают с древнегреческим Аполлоном. По славянским поверьям, Дажьбог живёт далеко на востоке, где вообще не бывает зимы. Рано утром он выезжает на своей колеснице, запря-

женной огнедышащими белыми конями, из своего золотого дворца и освещает солнечными лучами землю в течение дня. У него есть две сестры – Утренняя Заря и Вечерняя Заря. Первая утром запрягает белыми конями его колесницу а другая распрягает её вечером и заводит их в небесную конюшню на ночь.

Если Сварог – бог небесного огня, то его сын Сварожич – бог земного огня. Особым почетом у славян пользовался огонь под овином (овинный огонь). Овин – это место, где разжигался огонь для сушки снопов перед молотью. Сварожич, таким образом, был близок в первую очередь славянским земледельцам. Перед овином они возносили хвалу Сварожичу, обращались к нему с молитвами и приносили ему жертвы.

Итак, Сварог – бог небесного огня, Сварожич – бог земного огня и Дажьбог – бог солнечного света, а каким же богом был Хорс? Богом солнечного диска (круга). Его образ часто представлялся славянам в виде белого коня, бегущего по небосклону с востока на запад. Конь – священное животное у славян. Они верили, что именно кони позволяют связать в единое целое весь мир – небо и землю, богов и людей.

Род

Восточнославянского Рода по традиции называют богом плодородия, однако, исследования Б. А. Рыбакова – самого

авторитетного специалиста в области славянского религиоведения – должны, наконец, указать нам на подлинное место Рода в славянском пантеоне.

Б. А. Рыбаков в основном опирался на три источника – «Слово об идолах», «Слово Исайи-пророка» и «О вдуновении духа в человека». Два первых датируются XII веком, а последний – рубежом XV–XVI вв. В этих источниках Род обычно упоминается вместе с двумя рожаницами – хозяйками мира, богинями рождения.

Автор первого из названных источников определяет Рода как предшественника Перуна, который, очевидно, до своего верховенства в славянском пантеоне был богом войны. Отсюда легко сделать вывод о том, что до Перуна у славян верховным богом был тот, которого восточные славяне называли Родом, а западные – Святovitом. Вот почему в «Слове об идолах» Род ставится на один уровень с Озирисом – верховным богом древних египтян.

Автор второго из указанных источников восклицал: «Вы же бесовскими песнопениями славите идолов Рода и рожаниц и губите пророчества книг» (*Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 446*). В этом тексте Род ставится в один ряд с Яхве (Саваофом) и Христом, что вновь свидетельствует о верховной масштабности Рода.

В третьем источнике Род ставится на один уровень снова с библейским Богом-творцом. Автор этого текста пишет: «Все́м бог есть творец Бог, а не Род» (там же. С. 449).

Подобные свидетельства позволили Б. А. Рыбакову сделать следующий вывод: «Род оказывается всеобъемлющим божеством Вселенной со всеми её мирами: верхним, небесным, откуда идёт дождь и летят молнии, средним миром природы и рождения и нижним с его "огненным родством". Тогда становится понятным противопоставление Рода христианскому богу Вселенной Саваофу. Этот взгляд на Рода закрепляется данными, получаемыми из ранних переводов, где книга Бытия, в которой повествуется о сотворении мира, именуется "Родьство", а бог – творец – "рододелатель"» (там же. С. 453).

Неутомимая борьба христианских церковников с культом Рода у славян привела их к почти полному его забвению. Эта борьба привела, по мнению Б. А. Рыбакова, к следующей цепочке трансформаций образа Рода-Святовита у славян: Род – Стрибог (бог неба) – Дажьбог (бог солнца) – Переплут (бог подземного царства) – Свет – Христос.

Культ Рода, в конечном счете, сменился культом Христа. Сам факт подобной замены подтверждает главенство Рода-Святовита в славянском божественном пантеоне до Стрибога и до Перуна. Этот факт свидетельствует также и о том, почему культ Рода с таким ожесточением искоренялся христианскими богословами из языческого сознания древних славян: Род был конкурентом библейского Бога, а также христианского Бога Иисуса Христа.

Велес

Б. В. Анничков называл Велеса богом торговли и культуры. Он писал: «Бог торговли оказывался и богом вообще культуры, отчего Велес представлялся в XII в. книжникам родоначальником всей древней культуры и искусства, в частности, и песнетворчества» (Аничков Б. В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914. С. 339).

Велес относится к числу древнейших славянских богов. Вот почему его функциональная природа со временем менялась. Первоначально, по мнению Б. А. Рыбакова, он воспринимался как дух убитых на охоте животных, а позднее он получил свою ведущую, животноводческую, функцию. Вот почему чаще всего в старых летописях он фигурирует как «скотий бог», бог крупного скота и животноводства вообще.

Велес постепенно трансформировался у славян в христианского святого Власия. Последнему передались и основные черты языческого бога. В житии св. Власия говорится о том, что он был пастухом, который однажды совершил чудо: заставил волка вернуть бедной вдове похищенного у неё поросенка. Неслучайно, по свидетельству В. Даля, Власьев день (11 февраля ст. ст.) русские крестьяне называли коровьим праздником и кормили в этот день своих коров хлебом. В этот же день обычно рядились в звериные маски и вывороченные тулупы.

Ярило, Лада, Лель

Ярило – мужское, а Лада и Лель – женские божества плодородия (земледелия).

Ярило – олицетворение весны, приносящей растениям пробуждение от зимней спячки. Ярилин день отмечали в начале весны и в её конце. В первом случае он представлялся молодым юношей на белом коне в белой одежде и босой, а во втором – дряхлым стариком, символизирующим окончание весны.

Б. А. Рыбаков высказал предположение о том, что Лада и Лель (Леля) – это те самые хозяйки мира, которые упоминались рядом с Родом. Позднее они получили и другие функции. Ладу считают матерью Лели. Первую называют то богиней брака и веселья, то богиней любви и красоты, то богиней плодородия. Т. А. Волошина и С. Н. Астапова считают, что Ярило и Лада – разнополюсы ипостаси весенних растительных сил. Лелю же называют богиней молодой весенней зелени.

Мокошь и Симаргл

Мокошь – единственное женское божество, оказавшееся во владимирском капище. Она – богиня любви и рукоделия. Христианским воплощением Мокоши стала Параскева Пятница. Пятница у славян считалась мокошиным днём, и Па-

раскева, жившая в III в., всегда чтит этот день, поскольку именно в пятницу распяли Христа.

Симаргл (Переплут) обычно сопровождал Мокошь. Это божество растительности, охранитель семян и молодых побегов. Он имел облик крылатого пса. Считают, что это божество заимствовано из иранской мифологии.

Земля

Земля – обитель, по славянским поверьям, не только людей, но и низших духов – упырей, полевиков, русалок, кикимор, виев и др. Особенной известностью пользовались домовые, лешие и водяные. Об их принадлежности к низшим мифологическим персонажам свидетельствует тот факт, что они – мертвяки, т. е. люди, умершие неестественной смертью.

Один старик рассказывал: «Як вмере чоловик своєю смертю, то иде або на небо, – в рай, або в пекло, до чёрта. А хто повысится, або втопится, той на небо нейде, а ходить собі по земли... Бо его Бог не клыче, то вин и ходить, поки не прийде ему час...» (*Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии*. Пг., 1916. С. 5).

Где живут мертвяки? Во всех нечистых местах – в болотах, в трущобах и т. д. Все они на службе у чёрта, а некоторые дослуживаются до леших, водяных и т. п. «чинов».

Один Леший рассказывал: «Я такой же человек, как и все

люди, но на мне креста нет, я проклят, меня мать прокляла» (там же. С. 7). На службе у чертей находятся и русалки. Вот как о них рассказывал одесский протоиерей Соколов: «Особы женского пола. Ходят голые. Тело белое, как снег. Лицо светлое, как восходящая луна... Девочек и молодых женщин не любят, но мужчин с хохотом окружают, рвут одежды, пока совершенно не сделают голыми. Потом сзади хватают под мышки, щекотаньем приводят их в хохот и щекочат до тех пор, пока они не падают в обморок. Тогда, осыпая их поцелуями, берут на руки и невидимками приносят в дом и полагают на их постели, а женатого – к жене под бок» (там же. С. 116).

Домовой

Домовой – покровитель дома. Его называли также хозяином, дедушкой, сысоем, кормильцем, карнаухим и т. д. Место его жительства представлялось по-разному: то под печкой, то под порогом, то в подполье, то на чердаке, то в печной трубе и т. д. Домовой помогает трудолюбивым хозяевам и наказывает ленивых и распутных. Внешне его обычно представляли в виде маленького старичка, а иногда и в облике умершего или живущего хозяина дома. Но, по поверьям, он может превращаться в кошку, корову и других животных. У него может быть злая жена – Кикимора.

Леший

Это дух леса. Он живёт обычно в густой лесной чаще. Лесное эхо – это отклик лешего. Внешне он похож на человека, но, вместе с тем, и имеет отличительные признаки – острые зубы, острую голову, острую бороду, один глаз, перевёрнутую на одной ноге ступню – пяткой вперёд и др. Иногда ему приписывают копыта, рога и звериные шкуры. Он может также быть оборотнем. Леший не столько вредит человеку, сколько над ним потешается, но если его рассердят, он способен и погубить его.

Водяной

Это дух воды. В России его также называли водяным дедушкой, водяным шутом, водяным чёртом, омутником и т. д. Злых качеств ему приписывают больше, чем добрых, поскольку он, по поверьям, топит людей в воде, чтобы сделать из них своих рабов. Водяной – владыка всех утопленников. У него большая борода, зелёные усы, чешуйчатая кожа. Он может превращаться в рыбу, лягушку и т. п. существ.

Подземное царство

Подземное царство у славян подобно земному, но у него

есть важная особенность – перевёрнутость. Что это значит?

У Б. А. Успенского читаем: «...на том свете правое и левое, верх и низ, переднее и заднее и т. п. меняются местами, т. е. правому здесь соответствует левое там, солнце движется в загробном мире с запада на восток, реки текут в обратном направлении, когда здесь день, там ночь, когда здесь зима, там лето и т. д. и т. п.: оба мира – поюсторонний и потусторонний – как бы видят друг друга в зеркальном отображении» (Успенский Б. А. Избр. тр. Т. 1. М., 1994. С. 321).

* * *

Как ни вытравливали христианские церковники славянскую мифологию из сознания русского народа, его исконные языческие представления всё-таки сохранились в некоторых наших пословицах и поговорках. Увы, до нас дошли только крохи. Такие, например:

Домовой тешитя, леший заводит, а водяной топит; Леший пошутит – домой не пустит; водяной пошутит – утопит; Дом домом, а домовой даром; Домовой лешему ворог; Леший обошёл; Лес без лешего не стоит; В лесу жить – лешим слить; Кричит, как леший; В лесу леший, а дома мачеха; Лешак тебя возьми.

2. Русская пословичная картина мира

Русская пословичная картина мира имеет древние истоки.

У Н. Н. Целищева читаем: «Пословицы и поговорки русского народа имеют многовековую историю. Уже в Древней Руси их находим в народных преданиях и в летописях. Так, новгородский князь Александр Ярославич, разгромивший шведов на реке Неве 15 июля 1240 г., перед сражением с иноземными захватчиками, ободряя свою дружину, говорил: *"Не в силе бог, а в правде"*. Этот факт известен из летописи "Житие Александра Невского" (XIII в.). Кладезем народной мудрости является "Слово Даниила Заточника", адресованное князю Ярославу Владимировичу (XII в.). "Слово" целиком состоит из советов князю, выраженных в пословицах, поговорках, изречениях. Многие из них актуальны и сейчас. Вот некоторые из таких изречений: *"Ведь не море топит корабли, но ветры; не огонь закаляет железо, но поддувание мехами"*; так и *"князь не сам впадает в ошибку, но советчики его вводят. С хорошим советчиком совещаюсь, князь высокого стола добудет, а с дурным советчиком и меньшего лишен будет"*. *"Кому любовь, а мне горе лютое"*. *"Кому Лаче-озеро, а мне, на нём живя, плач горький"*. *"Злато плавится огнём, а человек напастями"*. *"Моль одежду ест, а печаль – чело-*

века". "Как в дырявые меха лить, так и глупого учить". "Хорошая жена – венец мужу своему и беспечалие, а злая жена – горе лютое и разорение дому"...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.